

Лубнина Ирина Леонтьевна - иконописица из Вятки.

*Е.Н. Чудиновских,
директор КОГБУ «ГАСПИ КО»*

Иллюстрация 1: И. Лубнина

Лубнина Ирина Леонтьевна, 17 апреля 1862 года рождения. С 1906 года работала в Москве как художник-реставратор, имела собственную художественную мастерскую и химическую лабораторию. Принимала заказы на изготовление портретов с натуры и фотографии, икон, иконостасов, и церковную стенную живопись, реставрацию и дублирование картин, позолоту крестов и куполов, художественные работы по атласу, стеклу, полотну и гравюры прозрачными красками. Являлась действительным членом Московского общества любителей художеств, находящегося под покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны. В 1912 году реставрировала иконы в Ливадии в Крыму в храмах имения Государя Императора. В 1913 году преподнесла написанную ею икону Казанской Божией Матери Николаю II, за что была удостоена Высочайшей Благодарности. (На то имеются соответствующие официальные свидетельства Министерства императорского двора за подписью гофмейстера кн. С. Гагарина и настоятеля церквей в имении его величества «Ливадия» протоиерея Иустина Юзиевича, где она названа «придворной художницей и реставраторшей»).

Лубнина И.Л. - основательница Первой православной художественно-религиозной живописной женской студии и при ней общежития в г. Москве. В 1914 году участвовала в патриотической выставке картин «Художницы – жертвам войны». После революции изобретала лаки и краски для живописи, а также реставрировала картины и иконы.

И все это о простой крестьянской девочке из бедной семьи деревни Городище Сезеневской волости Слободского уезда Вятской губернии.

Как известно, профессиональных художников-женщин в конце XIX - начале XX века было очень мало, а из Вятской губернии вообще единицы. Талантливым женщинам в то время надо было преодолеть очень непростые обстоятельства, чтобы посвятить себя искусству. Думаю, что мы могли бы гордиться такой землячкой, если бы имя ее не затерялось в фонде уголовно-следственных дел, хранящихся сегодня в Государственном архиве социально-политической истории Кировской области.

В деле есть ее письмо 1930 года своим коллегам-художникам, где Ирина поведала о своем нелегком жизненном пути, написав:

«...Я не знаю, когда я видела попечение или помощь... С 7-летнего возраста я кусок хлеба добываю своим трудом. Сначала я была нищая, побиралась. Сутки собираю, принесу кусочков хлеба, и за один раз съедят у меня мать и 2 сестры и 1 брат, и опять в поход за сбором. Изба была маленькая, вместо стекол в одном была скотинья брюшина, другое в поларшина затыкалось тряпками. Зимой топились изба по-черному без трубы, пол только посередине избы, а где печка — там три доски и подполье, где хранилось все. Сени были шалашом закрыты соломой... Отец матери был николаевский солдат, прослужил 25 лет и получил медаль... Я летом чего только не делала: из глины куклы, посуду... этим я была богата. На песке пыльной дороги нарисую дома,

Иллюстрация 2: Реклама студии И. Лубниной

16 лет, проживала в Казанской женской общине – Е.Н.). Там меня, как крестьянскую работницу, отправили на хутор. Вот какой была там моя работа: утром должна замесить 7 пудов хлеба, а потом доить коров и идти вместе с другими на полевую работу. Чего мы только не делали, все без мужчин: жали, молотили, веяли, мяти коноплю, зимой пряли шпагат, кололи дрова, набивали в погреб. А кормили плохо, мне опять было трудно. И после 3 лет удалось достигнуть того, что меня с хутора перевели в монастырь, и за то только, что я рисую хорошо. И тут мне пришлось много потерпеть. Благочинная монастыря очень меня притесняла, говорила: «Какая институтка, с карандашиком сидит, деревенская девка, не хочет работать». (Не будем забывать, что написано письмо в 1930 году, когда принято было хулить монастырское прошлое. Однако в монастыре она приняла монашеский сан, на всю жизнь осталась верна монашескому образу жизни. И, конечно, благодаря жизни в монастыре, получила дальнейшую «путевку в жизнь» - Е.Ч.). И все-таки мне удалось собрать несколько подруг и устроить мастерскую. А потом приехал к нам художник, который обратил внимание на мой талант, и показал мне, как нужно рисовать и писать... А потом приехала в Москву и занялась искусством. (Далее она уточнила, что была послана учиться живописи в Москву монастырем – Е.Ч.). Знаете, какое у меня было чувство, когда

церкви и людей. Все удивлялись, что я так хорошо рисую. Но я никогда не видела, как рисуют, у меня никогда не было клочка бумаги, а мне очень хотелось рисовать. У соседа была лубочная картина. Я перед ней стояла целыми днями, смотрела, как она сделана. Я попробовала нарисовать, и у меня вышла похожая, только я не знала, с чего начинать. В 8 лет я ушла от родителей, никому не сказавшись. Было лето. Я пришла на фабрику за 10 верст и стала искать себе место. Меня послали к какому-то барину. Это оказался становой пристав, Расспросил меня, откуда и зачем пришла, и оставил меня цыпят караулить. Я познакомилась с его детьми и своими лепками игрушек заинтересовала их. Меня полюбили. Я послала весть матери, которая думала, что меня уже и в живых нет. Здесь мне было можно достать канцелярские клочки бумаги, на которых я рисовала скоро и хорошо. Да узнали родители и взяли меня домой опять голодать. И снова я ушла от них и поступила в прислуги в городе Перми. Там было много картин в книгах. Я ночью и в свободную минутку рисовала и заработала денег. Потом продала, что у меня было, и уехала из Перми в Калужскую губернию, в Шамордино, поступила в монастырь (В деле имеется свидетельство, что она с 1888 года, т.е. с

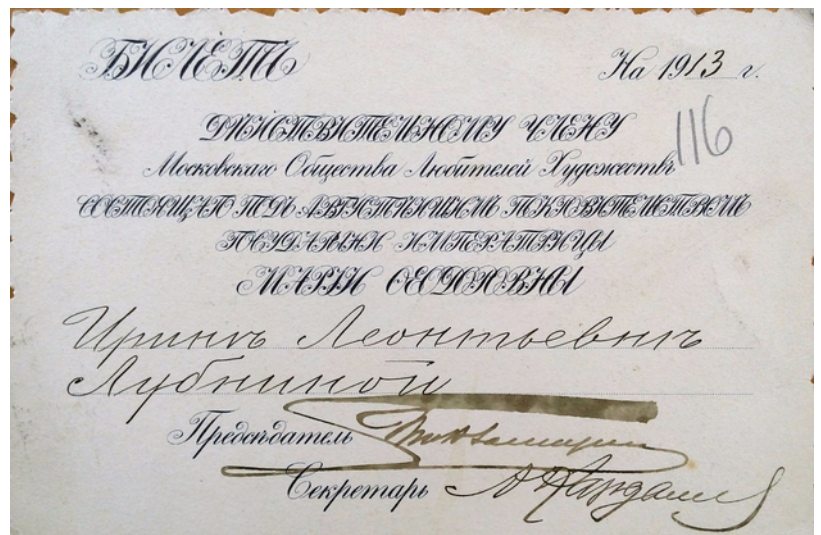

Иллюстрация 3: Членский билет И. Лубниной

я освободилась из духовной тюрьмы, как если отпустить птичку на волю из клетки, и она не знает, куда лететь, на какую ветку сесть от радости. Передо мной открылась свобода, сколько картин всюду, можно, что хочешь писать. С того периода у меня сохранилась копия рисунка 1908 года: танец среди мечей. Тут пошла слава обо мне. Газеты говорили о моем таланте. Я поступила учиться в Строгановское училище, а потом в 1910 году - в Петербург в Академию художеств вольной посетительницей по рисованию. Потом снова вернулась в Москву, занялась изобретением лака для ретуши. В 1916 году получила охранное свидетельство....»

Немного об основанной ею Первой православной художественно-религиозной живописной женской студии в г. Москве. В сохранившемся в деле, в информационном листе, написано, что открыта она была по благословению Святейшего синода (№ 63, 4 марта 1915 года) и состояла под покровительством Его высокопреосвященства митрополита Макария Московского и Коломенского. Там же прописана и цель открытия студии: дать возможность женщинам, обладающим талантом, применить свои дарования на пользу распространения художественного иконописания и удешевить расписание храмов и реставрацию икон в сельских храмах.

В студии существовало три отделения:

в 1 отделении проходили рисование геометрических фигур, орнаментов, гипса, анатомий, творческое рисование, рисование голов, фигур, контуров. Акварель: изучение стилей, упражнение в стилизации и композиции по всем отраслям прикладного искусства.

Читались лекции по истории православной церкви и старославянскому языку.

Во втором отделении проходили химию красок, сочетание теней, копирование с икон масляными красками, изучали увеличения и уменьшения с художественно-фотографированных религиозных произведений. Также читались специальные лекции по истории искусств (изящных и прикладных), по начертательной геометрии, теории теней, перспективе, изучались черчение

геометрическое и проекционное изображение, более углубленно изучали старославянский язык.

В 3 отделении проводились практические занятия по живописи с натуры, читались лекции по истории Православной Церкви, русской и общей истории, естествознанию, геометрии, отечествоведению и старославянскому языку.

При студии имелись оборудованные художественно-ремесленные учебные мастерские, занятия в которых были обязательны. Это позолотная, чеканно-эмалевая по дереву для икон, изготовления досок и полотна под живопись, реставрация икон, скульптурная, декоративная, художественное рисование прозрачными красками по стеклу, полотну, художественное шитье и прочие «изящные художественные работы».

Условия приема в студию были весьма просты: возраст и степень образования не имели значения, главное условие – заплатить за обучение 20 руб. за полугодие. Обучение проводилось с 1 сентября по 1 мая. По окончании студии выпускники получали соответствующее свидетельство». В деле имеются фотографии натурщика студии, которые косвенно свидетельствуют, что студия действовала и обучала женщин живописи.

Иллюстрация 4: Натурщик из студии И. Лубниной

И так Ирина Леонтьевна работала до 1922 года, состояла в профсоюзе работников искусств СССР Всерабис и Всероссийском кооперативном товариществе «Художник». Строгановское училище полностью пользовались изобретенными ею лаками и красками.

А вот далее... далее будем снова читать следственное дело. В обвинительном заключении написано:

«... Революция выкинула Лубнину из рамок ровной жизни, близкой к аристократии, двору, лишила почета и бросила в трудовую обывденную обстановку... Имеющая в прошлом 26-летний монашеский стаж, богатую жизнь, близкую к высшему обществу и царскому двору, непримиримо настроенная к советской власти, Лубнина намеревалась создать контрреволюционную организацию, ставящую своей целью борьбу с мероприятиями Советов...»

В 1922 году в Строгановском училище ее сократили, как она сама писала « на основании, что сами будут производить эту продукцию». Лубниной же назначили пенсию 50 руб. 31 коп. Она даже и не ожидала такой милости, потому очень обрадовалась: «Получив пенсию, я была глубоко благодарна союзу и Советской республике. Я от радости поставила радио, взялась за изучение политграмоты. Со мной рядом живет красный командир-военный инженер тов. Дьячкова. Она объясняет то, что я не понимаю...»

А еще ее в возрасте 68 лет, в 1930 году, потянуло на родину, в Вятскую губернию. Чтобы принесли больше пользы родной деревне, перед отъездом зашла в Московский городской комитет профсоюза изработчиков и попросила дать ей задание на проведение шефской работы. Там ей порекомендовали «связаться на месте с советскими и партийными организациями и помочь им как художник по изготовлению лозунгов, плакатов и т.п.»... С тем она и отправилась.

Что же увидела она в вятской деревне 1930 года? Полным ходом шла коллективизация, раскулачивание, лишение избирательных прав... По деревням пошел слух, что московская гостья «уполномоченный ЦИКа». К художнице потянулись обиженные крестьяне, видя в ней свою заступницу.

Вернувшись из деревни, она не вытерпела, и на собрании московских художников в марте 1930 года задала волнующие ее теперь вопросы:

1. Сколько у нас лишено права голоса, пищи и всего имущества? Как они должны жить и где?

2. Почему в настоящее время христианская вера подвергается всякому позорищу, хулиганству и гонению, как и при императоре Нероне.

Эти провокационные записки «вызвали возмущение со стороны собрания». Лубнина же заявила, что она не видит в них ничего плохого. «Этот факт собрание заклеило как антисоветское выступление». Ей пришлось извиниться. Она извинилась:

«Извините меня о моем неразумном выступлении об улучшении жизни в деревне и религии. Я неправильно выразила мои чувства, они остались при мне, а бумажная записка изменила мои намерения, причем совсем в обратную сторону... О религии: я хотела сказать, что в отдаленных деревнях религия глубоко укоренилась в сердцах и трудно вырвать ее у старых христиан, деревня очень недовольна закрытием церквей, но они молчат, боятся выступить. Хотела на все вопросы получить ответ и написать в деревню, что спрашивала о деревенском желании у центральных советов и вот что они ответили на мой вопрос... Я хотела услужить и напомнить о том, что я написала, но моя неграмотная и старая голова не сумела сработать... Дайте мне закончить мои изобретения, а то жаль, они пропадут вместе со мной...»

Дальнейшие события показали, что «неграмотная старая голова» вновь обратилась к старой теме. Она вновь в мае вернулась в родную деревню. Там она уже сама называет себя «уполномоченным ЦИКа по устранению перегибов» [в коллективизации и раскулачивании]. Показывает занятные «фокусы»: взяв листы бумаги, складывая и разрезая ее, показывает, что земля сейчас в СССР поделена таким путем, что большинство взяли себе «жиды», часть отдали коммуна, и только малая часть принадлежит крестьянам. Так что мужику от всей этой земли остается только могила с крестом. Другой «фокус» заключался в том, что она предлагала написать слова «Серп и молот» и прочитать наоборот, когда получается, что все закончится «престолом». Знакомится с жизнью коммун, выявляет недовольство крестьян закрытием церквей и поднимает этот вопрос перед правлением коммун. Расспрашивает крестьян о причинах раскулачивания, сочувствует. Перед отъездом из Зуевского района домой, в Москву она записала впечатления в

своем дневнике, что «на все продукты небывалая дороговизна, в деревнях совсем упадок, крестьяне ожидают какой-то разрухи окончательной, порабощения и полного закрепощения, лишения свободы и прав, рабства колхозного и совхозного с мучительной работой, холодом, голодом и наготой... Все говорят, что лучше петля на шею, но не коммуна – вот общее настроение крестьян».

В августе 1930 года она выехала в Москву, пообещала вернуться обратно в ноябре. Но не успела.

Ирина Леонтьевна Лубнина, проживавшая в г. Москве, ул. Герцена, д. 19 кв. 32, пенсионерка, одинокая, 9 октября 1930 года была арестована и доставлена в Вятку в распоряжение вятской опергруппы со спецконвоем. При обыске изъяли портфель с разной перепиской, пенсионную книжку на имя Лубниной, две сберкнижки.

Показания свидетелей о контрреволюционной деятельности Лубниной слушали почти год. 20 августа 1931 года ее, а также и еще 13 человек из жаловавшихся ей раскулаченных и лишенных избирательных прав крестьян, Особой Тройкой при ПП ОГПУ Нижегородского края осудили альбомным порядком по статье 58 п. 10, 11 к ссылке на Урал сроком на 3 года. Дальнейших сведений о ней не имеется...

Реабилитирована И.Л. Лубнина 21 июля 1990 года. А имя ее отныне вернется к людям.

Примечания: ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 9. Д. СУ-10149.

Опубликовано: Чудиновских Е.Н. Иконописица из Вятки // Вятский епархиальный вестник. 2017. № 7. С. 8-9.